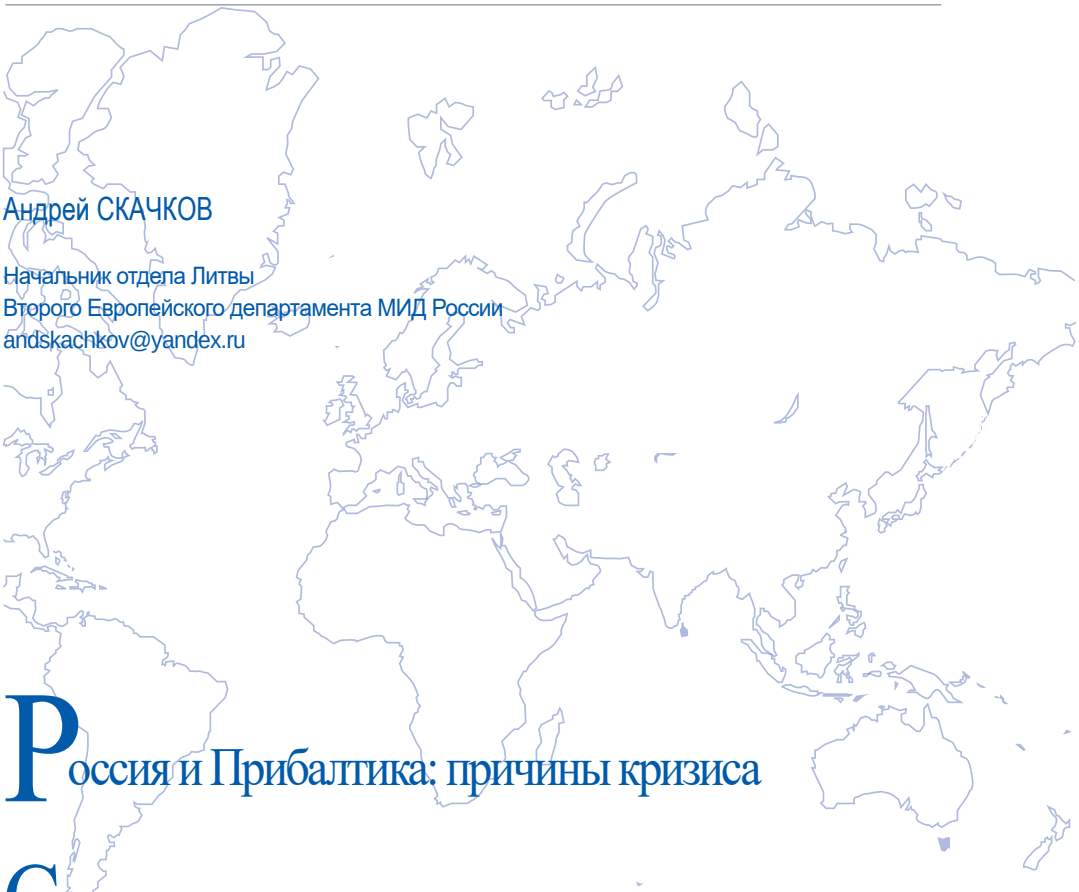

Андрей СКАЧКОВ

Начальник отдела Литвы
Второго Европейского департамента МИД России
andskachkov@yandex.ru

Россия и Прибалтика: причины кризиса

Сложности в отношениях России с прибалтийскими странами имеют под собой некоторые, как сейчас принято говорить, межцивилизационные противоречия. С одной стороны, географически Россия непосредственно соседствует с Прибалтикой, которая в течение длительных периодов истории являлась составной частью нашего цивилизационного, то есть политического, экономического, культурного и даже идеологического пространства.

С другой стороны, как показывают события последних десятилетий, эти совместные периоды не смогли объединить, а скорее наоборот, отдалили нас друг от друга. Обострены старые, уже забытые противоречия, появились новые обиды и комплексы.

Вместе с тем, если внимательно присмотреться, межцивилизационные разломы (выражаясь языком С.Хантингтона) существовали во все времена, просто были скрыты за идеологической завесой в советский период. По сути, мы всегда были разными в историческом (сильное польское, немецкое и шведское влияние в Прибалтике),

религиозном (литовцы – католики, латыши и эстонцы - протестанты) и культурно-историческом аспектах (мы - крестьяне-общинники, прибалты - хуторяне с особым хуторским мировоззрением).

И все же, несмотря на очевидные различия, прибалтийские народы в течение длительных периодов совместного с нами проживания имели возможность использовать выгодное промежуточное положение своих государств между Россией и Северной Европой для собственного национального развития.

После распада СССР пришедшие к власти в Латвии, Литве и Эстонии национальные элиты взяли курс на ускоренный разрыв исторических, экономических и культурных связей с Россией, ассоциируя ее с наследницей советской империи. В результате складывавшиеся веками географические преимущества Прибалтики оказались в одночасье невостребованными.

Именно тогда, на сломе эпох, новоявленными прибалтийскими правителями был сделан ошибочный, на наш взгляд, выбор пути развития. Вместо того чтобы выстроить с чистого листа добрососедские отношения с новой демократической Россией, пошли по пути изоляции от восточного соседа. При этом нет оснований сомневаться в том, что тогдашнее российское руководство искренне стремилось к установлению дружественных отношений с прибалтийскими соседями. Ориентиром для России служил многолетний опыт успешного сотрудничества с Финляндией, которое виделось в качестве идеального примера для взаимодействия с прибалтами. Объективно к этому подталкивали полное отсутствие идеологических противоречий и обоюдное желание побыстрее влиться в западное сообщество. В экономической сфере нас объединяло стремление в короткие сроки перейти на рыночные рельсы в рамках рекомендованной нам либеральной модели.

В условиях нарождающейся российской государственности руководство России пошло на беспрецедентные односторонние уступки: быстро и безоговорочно признало суверенитет и независимость прибалтов, полностью вывело войска из этих государств к 1995 году, гарантировало невмешательство на фоне уже заявленного курса этих стран на оформление членства в НАТО непосредственно у российских границ. Как пишет в своих воспоминаниях Е.М.Примаков, «при провозглашении независимости балтийских государств мы ликвидировали свое военное присутствие без каких-либо предварительных условий»[1].

К сожалению, никакой благодарности за наш более чем миролюбивый настрой не последовало. Наоборот, ставка была сделана на исторические обиды. В основу государственного строительства прибалтийских стран была положена негативистская саморазрушительная доктрина «советской оккупации», жертвой которой прибалты стали позиционировать себя как во внутриполитическом, так и международном дискурсах.

Нужно признать, что глубокие противоречия, связанные с исторической памятью в Прибалтике, - проблема вполне осязаемая. Действительно, часть населения этих стран в годы Великой Отечественной войны сражалась на стороне советской армии, а другая встала под знамена гитлеровской Германии. Сегодня эта историческая разобщенность выросла в полноценный кризис межобщинного противостояния воинствующих идентичностей, поклоняющихся разным историческим героям и событиям. Вышесказанное относится прежде всего к различной интерпретации обстоятельств вхождения Латвии, Литвы и Эстонии в состав СССР в 1940 году, итогов Второй мировой войны и освободительной роли Советской армии. Последняя трактуется господствующим в Прибалтике политическим классом не иначе, как «советская оккупация»*, что, по понятным причинам, абсолютно неприемлемо для большинства русскоязычного населения этих стран, а также части прибалтов, которая не готова рассматривать советский период исключительно в черном цвете.

Самое печальное в том, что сложившаяся антагонистическая ситуация исключает достижение межэтнического консенсуса по историческим вопросам, обрекая эти страны на изнурительную конфронтацию между наиболее крупными национальными общинами. И речь идет не о второстепенных, а о важнейших мировоззренческих ориентирах. По оценке одного из старейших политиков Латвии, депутата Сейма всех созывов и бессменного лидера крупнейшей парламентской фракции «Согласие» Я.Урбановича, «в стране, где расколот демос, демократии быть не может»[2]. А без полноценной демократии, как известно, затруднительно говорить и о нормальном социально-экономическом развитии.

*В современной прибалтийской историографии 1940-1945 гг. трактуются как период «трех оккупаций» - советской, гитлеровской и повторной советской.

К сожалению, форматирование молодой балтийской идентичности пошло по бескомпромиссному этнонационалистическому вектору. Внутренней мотивацией этого отчасти стали уязвленная в советские годы национальная гордость и чувство исторической обиды. Россию в данной логической цепочке обвинили в «исторической ответственности», потребовали официальных извинений и материальных компенсаций за «оккупационный ущерб».

Для понимания движущих мотивов подобного подхода важно иметь в виду, что в Латвии, Литве и Эстонии формирование нового исторического сознания происходило под сильным влиянием так называемых «западных прибалтов» - послевоенных иммигрантов и их потомков. В постсоветские годы многие из них репатриировались из Западной Европы, США и Канады, заняв ключевые позиции в госаппарате, исполнительной и законодательной власти прибалтийских государств (в том числе Президент Эстонии Т.Х.Ильвес; бывшие президенты Латвии В.Вике-Фрейберга и Литвы В.Адамкус, ряд влиятельных депутатов парламентов).

В качестве идеологического императива эта оторванная от повседневной жизни своей этнической родины прослойка привнесла сугубо негативное видение роли СССР, а также России в истории Прибалтики. Оно было унаследовано от родителей, которые в том числе сотрудничали с нацистскими оккупационными властями или сражались на фронтах Второй мировой войны на стороне гитлеровской Германии. К примеру, В.Адамкус в 1944 году участвовал в антисоветском сопротивлении под командованием офицера вермахта. Родители В.Вике-Фрейберги, по некоторым данным, могли сотрудничать с оккупационной администрацией нацистов.

В своей книге «Латвийский кандидат, или Неизвестные приключения гражданина в Европе» известный итальянский журналист и общественный деятель Дж.Кьеза подробно характеризует особенности становления руководящих элит Польши, Литвы, Латвии и Эстонии под воздействием западных репатриантов, заряженных антироссийскими и антирусскими настроениями. Он отмечает, что произошедшее «не было случайностью или ошибкой, а целенаправленным воздействием в пользу формирования правительств из людей, которые враждебно относились к России»[3].

Наличие в постсоветском истеблишменте Латвии, Литвы и Эстонии «западных прибалтов» во многом объясняет упорное стремление этих стран героизировать и представить в качестве борцов

за независимость бывших эсэсовцев, коллаборационистов, а также участников послевоенного сопротивления советской власти (т. н. «лесных братьев»). Эта линия всегда встречала отторжение в России и способствовала формированию атмосферы недоверия в отношениях с прибалтийскими соседями.

Альтернативное мнение на вопросы послевоенной истории рассматривается в прибалтийских государствах как проявление нелояльности (отрицание факта «советской оккупации»). В Литве на этот счет был принят уголовный закон, и в январе 2013 года в соответствии с ним уже был осужден литовский политик А.Палецкис. В Латвии Полицией безопасности неоднократно подвергались арестам и обыскам А.Гапоненко, Ю.Алексеев, И.Корен, В.Энгель и другие активисты русскоязычной общины, высказывавшие объективные исторические оценки. При этом в их отношении властями выдвигались циничные обвинения в «разжигании этнической и расовой ненависти».

За последние годы со стороны Риги, Вильнюса и Таллина введены запреты на въезд для целого ряда российских ученых и экспертов, стоящих на «неприемлемых» идеологических позициях. Негативный резонанс в Италии и других европейских странах получили запретительные меры, предпринятые в 2014 году эстонскими властями в отношении Дж.Кьезы как лица, «представляющего угрозу» национальной безопасности Эстонии.

В государственной стратегии, формирующей национальное историческое сознание, прибалтийские правящие элиты сделали ставку на профилирование сложных периодов совместного с Россией прошлого (насильственный характер вступления в СССР в 1940 г., депортации 1940 и 1949 гг., тяготы пребывания в составе СССР и т. д.). Все позитивные достижения вымарывались и подвергались остракизму. К примеру, взращенная в советские годы национальная культурная элита, такие символы эпохи, внесшие огромный вклад в развитие культурного наследия своих народов, как актеры Д.Банионис, В.Артмане, Л.Озолиня, писатели А.Упит и П.Цвирка, были оклеветаны новыми прибалтийскими властями и подверглись забвению.

Следует отметить, что прибалтам предлагалось не зацикливаться на подобных вопросах прошлого, а сосредоточиться на реальной политике взаимовыгодного торгово-экономического, культурного и межрегионального сотрудничества. В этих целях Россия полагала разумным вывести подобные вопросы за скобки политических

дискуссий, отдать их на рассмотрение двусторонних комиссий историков. Такие комиссии были созданы с Латвией и Литвой. Первые встречи с учеными принесли немало пользы, позволив наметить контуры сотрудничества по совместному изучению межвоенного периода истории. Однако в итоге сохранить деловой настрой удалось только с литовцами. Латвийские же партнеры постоянно политизировали деятельность совместной комиссии, стремясь навязать свои «оккупационные» подходы и мифологизированное видение событий довоенного и послевоенного периодов. Сопредседатель латвийской части комиссии И.Фелдманис с самого начала не скрывал, что ее «работа будет направлена в такое русло, чтобы быть полезной для Латвии»[4].

Как представляется, компромисс по принципиальному для прибалтов вопросу трактовки периода пребывания Латвии, Литвы и Эстонии в составе СССР как «оккупации» вряд ли может быть найден на нынешнем этапе. Оккупационная концепция, по сути, легитимизирует несущие опоры прибалтийской государственности: реституцию и существование института безгражданства. Поэтому отказ от вышеназванных подходов для прибалтов антиконституционен и, следовательно, в принципе невозможен. Это обстоятельство следует рассматривать в качестве существенного препятствия на пути нормализации отношений с Россией.

Необходимо подчеркнуть, что «особый» взгляд на историю руководителям Латвии, Литвы и Эстонии удалось привнести в европейский и международный исторический дискурс, добиться того, чтобы смоделированный ими образ прибалтийских государств как жертв «советской оккупации», а также тезис о равной ответственности нацистской Германии и СССР перед европейскими народами получили поддержку на Западе. С подачи прибалтов и поляков «воинствующая память» нашла отражение в документах международных форумов, в частности в резолюции Парламентской ассамблеи ОБСЕ от 3 июля 2009 года «О воссоединении разделенной Европы: Поощрение прав человека и гражданских свобод в регионе ОБСЕ в XXI веке». В этом документе осуждаются «преступления сталинского и нацистского режимов». По инициативе Европарламента страны - члены ЕС ежегодно, начиная с 2009 года, отмечают 23 августа (день подписания пакта Молотова - Риббентропа) Европейский день памяти жертв тоталитарных и авторитарных режимов. Освободительная миссия СССР в соответствии с этой традицией подлежит полному забвению.

Наиболее деструктивным является стремление этой группы стран стимулировать в восприятии европейцев увязку мрачных страниц недавней истории континента с современной Россией, которая якобы способствует «официальному прославлению Советского Союза и его тоталитарных лидеров». Так зафиксировано в совместном заявлении «балтийской тройки» по итогам состоявшейся 22-23 августа 2016 года в Братиславе министерской конференции по случаю Европейского дня памяти жертв тоталитарных и авторитарных режимов[5].

На среднесрочную перспективу можно прогнозировать, что, за неимением других опорных точек формирования национальной идентичности, использование «воинствующей памяти», подогреваемой враждебными образами современной России, будет столь же высоко востребовано в политической практике прибалтийских государств.

Другим серьезным раздражителем на пути формирования добрососедских отношений с Россией стал доктринированный в этих странах курс на дискриминацию национальных меньшинств. Можно утверждать, что с первых лет независимости местной националистической верхушкой была поставлена задача - обеспечить себе гарантированные условия нахождения у власти при невыгодных этнических пропорциях между латышами/эстонцами и русскоязычными жителями (примерно 60/40). Этим законодательным гарантом стала концепция «восстановленного гражданства», которая отсекала от участия в политических процессах большое количество постоянных жителей некоренной национальности Латвии и Эстонии*.

По прошествии более четверти века после обретения прибалтийскими странами независимости проблема массового безгражданства не потеряла актуальности. Она не решилась посредством натурализации, как обещали своим европейским партнерам прибалтийские лидеры. «Негражданe» в Латвии и Эстонии по-прежнему не могут участвовать в парламентских и президентских выборах (в Эстонии им разрешено голосовать только на муниципальном уровне), осуществлять сделки с землей, работать на госслужбе и т. д. Всего правозащитники Латвии фиксируют около 80 запретов на профессии и различия в правах между гражданами и «негражданами», в Эстонии 23 таких запрета.

*Автоматически гражданство Латвии и Эстонии получили только те постоянные жители, которые смогли доказать, что их прямые родственники проживали в этих странах до июня 1940 г., т. е. до начала «советской оккупации». Остальные получили статус «негражданина» и для обретения гражданства должны были пройти процедуру натурализации.

На сегодня в Латвии и Эстонии проживает примерно половина от общего числа лиц без гражданства в Европе - более 330 тысяч из 600 тысяч[6]. И хотя процент «неграждан» сократился (в Латвии на начало 2017 г. составлял менее 12%, 257 тыс. человек, по сравнению с 29%, около 730 тыс., в 1995 г.; в Эстонии на 1 января 2017 г. - около 6% населения, 79 438 человек, по сравнению с 12,4%, около 170 тыс. в 2000 г.), эта проблема с нынешними крайне низкими темпами натурализации законсервирована на десятилетия[7].

Нужно отметить, что выбор в пользу этнической дискриминации отнюдь не был исторически предопределен. Многие нынешние сторонники жесткого националистического пути развития Латвии и Эстонии в первые годы становления балтийской государственности придерживались вполне демократических взглядов и публично их отстаивали. Так, одна из главных проповедников «латышской Латвии» депутат Европейского парламента и в прошлом министр иностранных дел ЛР С.Калниете на встрече с избирателями в 1990 году выступала за принцип «нулевого гражданства» для всех жителей страны. Сегодня представители русской общины Латвии напоминают удерживающим власть националистам об этом обмане и несправедливости.

Проживающий постоянно в США и потому более свободный в своих оценках латвийский историк А.Плаканс отмечает, что ставка на этнический национализм оказалась ошибочной и губительной для прибалтийских народов. Государственную политику следовало нацелить на создание государства равных прав и возможностей для всех жителей. К примеру, скандинавские демократии, полагает он, явились наглядным свидетельством того, как «маленькие страны могут, если для них это важно, сохранить свою национальную уникальность, одновременно с этим обеспечив своих жителей - как граждан, так и неграждан - достойным вознаграждением за труд, медицинским обслуживанием, государственными пенсиями и хорошим образованием». Для создания таких благополучных государств «балтийским республикам имело огромный экономический смысл ориентироваться как на Запад, так и на Восток, поскольку множество жителей стран Балтии сохранили лингвистические, культурные и исторические связи с Россией»[8].

Можно согласиться с А.Плакансом и в том, что балтийским странам не следовало прикрываться некоей «особенностью своей истории для оправдания политического курса в отношении меньшинств». Им разумнее было действовать в соответствии с той системой ценностей, которую на протяжении последних десятилетий исповедовала Европа.

Перенесенные в прошлом испытания не могут давать особые права на исключительность. Ведь многие народы Европы по тем или иным причинам пострадали в прошлом, в том числе и в период советского правления. Однако Венгрия, Чехия, Словакия, Болгария, Румыния и многие другие страны ЦВЕ нашли в себе силы и проявили мудрость, избрав путь толерантного мультикультурного развития, что принесло им огромные политические и социальные дивиденды.

Уместно в этой связи также сослаться на немецкого политолога А.Рара. В своей книге «Россия - Запад. Кто кого?» он подчеркивает, что проект западноевропейских элит по созданию Соединенных Штатов Европы стал неосуществим в том числе по причине нежелания некоторых «восточноевропейских стран - членов ЕС (прямой намек на прибалтов. - *Прим. авт.*) следовать либеральной модели постмодернистской Европы»[9]. Делаем скидку здесь, разумеется, на изменившийся в последние годы ландшафт Европы, при котором политика мультикультурализма оказалась под угрозой в связи с проблемой неуправляемой миграции.

В прибалтийских странах этническое правящее большинство изначально противопоставило себя славянским общинам, веками населявшим эти территории и по праву считавшим их своей родиной. Начало дискриминационному порядку было положено конституционным закреплением еще на заре независимости эксклюзивного статуса государственного языка (латышского, эстонского и литовского). Язык стал ключевым политическим инструментом формирования балтийской государственности, регулирующим все сферы жизнедеятельности. При этом языковые и образовательные права небалтийских народов, прежде всего русского, были полностью проигнорированы. Мотивировка, разумеется, все та же: у прибалтов, мол, особая историческая ситуация «жертв оккупации», при которой язык нуждается в защите для сохранения основ идентичности.

Конечно, то обстоятельство, что в результате такой дискриминации пострадает идентичность славянской общины, сторонниками исторического реванша во внимание не принималось. Статус русского языка как иностранного особенно больно ударил по жителям старшего поколения, не владеющего свободно балтийскими языками. Пожилые представители нацменьшинств не могут использовать русский для официального общения с муниципальными властями, испытывают серьезные проблемы при оказании медицинской помощи (например, инструкции лекарств не содержат русского перевода).

В Латвии в 2004 году был осуществлен первый этап так называемой реформы средних школ для нацменьшинств, направленный на ускоренную ассимиляцию нелатышской молодежи. В апреле 2018 года Президент ЛР провозгласил второй этап, предусматривающий полный переход к 2022 году к преподаванию в средних школах на государственном языке (за исключением родного языка и литературы). В связи с грозящим фактическим запретом русскоязычного образования в Латвии возобновил работу Штаб защиты русских школ под руководством известного правозащитника и политика Т.Жданок. 1 мая 2018 года более 10 тыс. жителей вышли на улицы Риги с требованием отменить это драконовское решение.

Эстония также пошла по ассимиляционному пути реформы, как и Латвия, сворачивание русскоязычного образования там носит поэтапный характер.

Подобная дискриминационная политика только усугубила меж-этническую и социальную разобщенность в вышеназванных прибалтийских государствах. Недовольство славянского населения привело к формированию политических сил, отстаивавших права нацменьшинств (латвийские «За права человека в единой Латвии» - сейчас «Русский союз Латвии», «За родной язык!», «Центр согласия» - нынешнее название «Согласие» и его эстонский аналог «Центристская партия Эстонии»). Однако у них не хватило сил изменить ситуацию. Против наиболее принципиальных представителей этих партий ведется жесткая борьба со стороны местных спецслужб. В законодательных органах они либо оказывались в меньшинстве, либо, даже попав во власть (центристы в Риге и в правительстве Эстонии), скатывались на конформистские соглашательские позиции.

Многочисленные обращения балтийских правозащитных НПО в международные организации (ООН, ОБСЕ, СЕ) по вопросам нарушения гражданских, лингвистических и образовательных прав в Прибалтике ситуацию не изменили. Предметная критика прибалтов не входила в геополитические планы Запада. Ставилась иная задача - к середине 2000-х инкорпорировать Латвию, Литву и Эстонию в НАТО и Евросоюз. Лишний раз будировать в этих условиях неудобный «русский вопрос» было невыгодно. Западные страны демонстрируют солидарность со своими прибалтийскими союзниками, принимая их аргументацию о том, что сложившаяся в Латвии и Эстонии ненормальная ситуация с правами нацменьшинств является следствием «синдрома роста» и незрелости политического класса молодых балтийских демократий.

Но суть проблемы массового безгражданства, наверное, даже не в этом. На Западе всегда прислушивались к главному аргументу Риги и Таллина, который никогда не оглашался публично, о том, что неконтролируемый допуск русскоязычных жителей во власть несет серьезные политические риски для правящей национальной элиты. Поэтому и было решено вывести русскоязычных жителей из политического поля, существенно ограничив их гражданские права. Желающие же получить гражданство должны были пройти через фильтр политической лояльности в виде процедуры натурализации.

Между тем за годы независимости русскоязычное меньшинство неоднократно доказывало свою лояльность, поддерживая власти по многим судьбоносным решениям, таким как присоединение прибалтийских государств к Евросоюзу и НАТО. Неприятие вызывала лишь дискриминационная политика в сфере языка и образования, а также предвзятая трактовка вопросов истории, неуважительное отношение к символам Победы в Великой Отечественной войне. Однако и в этих случаях до массовых протестов доходило лишь дважды: в 2004 и 2018 годах в Риге русскоязычные жители потребовали отменить драконовскую школьную реформу; в мае 2006 года в Таллине состоялись массовые выступления против сноса памятника «Бронзовому солдату», жестоко подавленные полицией.

Перспективы разрешения межэтнических противоречий в Латвии и Эстонии сегодня выглядят менее реалистичными, чем десятилетие назад. На фоне возросших антиэмигрантских настроений и террористической угрозы в Европе прибалтийские лидеры все больше отдаляются от решения задач по интеграции национальных меньшинств, которые ощущают себя чужими в собственных странах. В свою очередь, европейцам после кровавых терактов в Париже, Ницце, Брюсселе и Манчестере все сложнее убеждать прибалтов в преимуществах мультикультурного выбора.

Среди других факторов, которые будут прямо или косвенно способствовать сохранению националистического курса Риги и Таллина, можно назвать: страх латышского и эстонского правящего класса перед сохраняющейся популярностью центристских партий, поддерживаемых русскоязычной диаспорой; объективное ослабление надзорных требований Евросоюза, фактически отдавшего вопросы формирования политики по отношению к меньшинствам на откуп национальным правительствам; ухудшение отношений между Россией и США, которое позволит ориентированным на Вашингтон прибал-

тийским элитам еще жестче проводить дискриминационную политику без оглядки на Брюссель.

В итоге может произойти полный отказ от 20-летних пусть даже поверхностных попыток интеграции латвийского и эстонского обществ. В среднесрочной перспективе эта ситуация будет негативно сказываться на характере отношений Латвии и Эстонии с Россией.

В целом можно заключить, что в условиях сильной внешней зависимости изменения в Прибалтике (отказ от русофобии и антироссийской риторики, начало реального курса на интеграцию русскоязычного населения) возможны в случае наступления крупных геополитических сдвигов. Они были бы связаны с ослаблением глобального доминирования США и усилением, соответственно, веса Европы, крупные государства которой, прежде всего Германия и Франция, объективно не заинтересованы (ни экономически, ни политически) в конфронтации с Россией.

---

[1] *Примаков Е.М.* Встречи на перекрестках. М.: ЦЕТРПОЛИГРАФ, 2015. С. 226.

[2] *Урбанович Я.* В стране, где расколот демос, демократии быть не может // Информационный портал RUBALTIC. 28.08.2017 // https://www.rubaltic.ru/article/politika-i-obshchestvo/28082017-yanis-urbanovich-v-strane-gde-raskolot-demos-demokratii-byt-ne-mozhet/ (дата обращения: 12.04.2018).

[3] *Кьеза Дж.* В Европе доминирует беспрецедентная ложь // Информационный портал RUBALTIC. 18.08.2014 // http://www.rubaltic.ru/article/denmark/18082014-kieza/ (дата обращения: 31.01.2016).

[4] *Симиндей В.* Историческая политика Латвии. Материалы к изучению. М.: Фонд «Историческая память», 2014. С. 18.

[5] Министерская конференция по случаю Европейского дня памяти жертв тоталитарных и авторитарных режимов. Совместное итоговое заявление Латвии, Литвы и Эстонии. Братислава, 22-23 августа 2016 г.

[6] Данные УВКБ ООН на август 2011 г. Комиссар по правам человека Совета Европы: несколько сотен тысяч людей в Европе без гражданства // https://euroua.com/europe/coe/535-2011-08-03-15-53-03 (дата обращения: 16.05.2018).

[7] Гражданство в Латвии и Эстонии // https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%97%D0%B0%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D0%B2%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%86%D0%B0 (дата обращения: 31.01.2016).

[8] *Плаканс А.* Краткая история стран Балтии. М:. Весь мир, 2016. С. 432.

[9] *Рар А.* Россия - Запад. Кто кого? М.: Издательство «Э», 2016. С. 12.

Ключевые слова: Россия, Прибалтика, кризис, русскоязычные жители, русофобия.